

ческой. Гдѣ границы интимнаго въ литературѣ? Вѣдь и самый объективный художникъ говоритъ о себѣ, черпаетъ матеріалъ въ своей памяти, въ своей жизни. Развѣ не интимны портреты отца и матери въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ»? Но тамъ это болѣе скрыто, воспоминанія же Осоргина — откровенно личные. Это и придаетъ имъ особую саднящую остроту. Странно, что отъ прозы мы требуемъ большей сдержанности, чѣмъ отъ поэзіи. Развѣ не интимны няня Пушкина или «Елена Кузина, кормилица моя» Ходасевича, или «Мать» Некрасова? А вся любовная лирика всѣхъ поэтовъ на свѣтѣ? Но кромѣ высокаго лирическаго напряженія, сама стихотворная форма явственно отдѣляетъ жизнь отъ искусства. Какъ котурны и маски въ классической трагедіи она неопровержимо говоритъ: «здѣсь — искусство!»

Горечь и боль воспоминанія, страхъ забвенья переполняютъ эту книгу. «То что я пишу сейчасъ пишется лишь одинъ разъ въ жизни».

«Истѣютъ страницы этой книжки; уйду я; уйдетъ и все. Что останется?» спрашиваетъ Осоргинъ. И самъ отвѣчаетъ: «прекрасное и неповторимое останется святыней. Листы бумаги желтѣютъ, какъ желтѣютъ лепестки розы, засушенной и спрятанной на память. Но ароматъ словъ остается».

М. Цетлинъ.

«О Толстомъ». Двѣ рѣчи В. А. Маклакова. — Изд. «Современная Записки».

Природа одарила Льва Толстого, помню другихъ своихъ милостей, необычайнымъ умомъ. Но необычайный умъ этотъ отличался особенностями, въ которыхъ была и сила его и слабость. Дѣйствіе толстовскаго ума то растетъ, то умалняется въ зависимости отъ личныхъ свойствъ собесѣдника или читателя.

Людей, дѣявшихъ прѣвыше всего блескъ или игру мысли, толстовскія теоретическія писанія оставляютъ неизмѣнно равнодушными. Блеска у Толстого не найти. Умъ его мало подвиженъ, мало разнообразенъ, не склоненъ къ рѣзкимъ скачкамъ, не любитъ неожиданностей. Онъ ягедъ и мощенъ. Одна тема, одинъ голосъ, настойчивый и монотонный. Надо признать, что мысль Достоевскаго или Владиміра Соловьева, напримѣръ, или даже мысль Леонтьева, или Розанова гибче, богаче, въ концѣ концовъ интереснѣе. Съ ними не знаешь куда забредешь и на что натолкнешься. Нельзя при этомъ сказать и того, что мысль ихъ менѣе глубока, чѣмъ толстовская. Нѣтъ, — порою и не менѣе глубока.

Но менѣе напряжена, менѣе ответственна — это навѣрно! Достоевскій какъ бы вслухъ предполагаетъ: «а можетъ быть и тутъ истина? А можетъ быть и тамъ, вотъ въ этомъ, кроется правда?» И между двумя предположеніями онъ не прочь заняться дѣлами случайными и сравнительно мелкими, второстепенными. «Дневникъ писателя» — разительная иллюстрація этого. Толстой же, прежде нежели что нибудь сказать какъ будто семь разъ отмѣриваетъ, и вовсе не по

какой либо разсудочной осмотрительности, а въ силу самаго существа мысли своей. Умъ его не свободенъ и какъ бы не самостоятеленъ, онъ выражаетъ только то, что на своемъ темномъ, безсловесномъ языкѣ диктуютъ ему сердце и совѣсть. Ими онъ направляется, проверяется и ограничивается. Отсюда отсутствие элемента игры толстовской мысли, отсюда же и исключительная цѣнность ея. Дѣйствительно о самомъ важномъ, о «единомъ на потребу». Мысль Толстого не способна увлекать, развлекать, смущать, дразнить, соблазнять, но медленно и властно она подводитъ человѣка къ основамъ бытія и учитъ его «какъ жить». Отношеніемъ къ этому вопросу — «какъ жить?» — пожалуй, и опредѣляется отношеніе людей къ Толстому. Для кого вопроса не существуетъ, для того и Толстой существуетъ только наполовину. Замѣчательный художникъ, позднѣе же началъ старикъ что-то путать, перетолковывать Евангеліе, давно уже истолкованное, бормотать какія то несурзности о непротивленіи и опрошеніи, и мучить этими никчемными несурзностями бѣдную Софью Андреевну. Но для тѣхъ, кого «смыслъ жизни» дѣйствительно тревожитъ, — и не на словахъ, а на дѣлѣ, — Толстой если и окажется врагомъ, то врагомъ-другомъ, и въ основѣ борьбы такого человѣка съ Толстымъ всегда останется сочувствіе и благоговѣніе. Во всякомъ случаѣ, праздному умственному любопытству нечего дѣлать съ Толстымъ, ему съ Толстымъ скучно, ему все въ немъ непонятно.

Лучшая черта книги Маклакова о Толстомъ именно эта, отрицательная: отсутствіе празднаго любопытства. Именно благодаря ей Маклаковъ видитъ и чувствуетъ значительность толстовской мысли, «честной и серьезной», какъ онъ совершенно правильно опредѣляетъ ее двумя словами, которымъ надо было бы для этого случая возвратитъ весь ихъ смыслъ, всю ихъ утраченную, распылившуюся силу. И вѣроятно благодаря той же чертѣ Маклаковъ отказывается отъ задачи эффектной, хотя и бесплодной — отъ опроверженія Толстого. Онъ замѣчаетъ только, что «принадлежитъ къ другимъ ученіямъ». Удивительное дѣло! Сколько разъ пытались Толстого опровергать, какъ успѣшно порой этотъ опытъ продѣлывался и какъ однако все это бывало впустую, мимо! Напримѣръ, «Что такое искусство?», — кто только изъ теоретиковъ прекраснаго не избличалъ ложь и заблужденія этой книги, во всеоружіи послѣднихъ данныхъ науки, со ссылками на всевозможные авторитеты! И все таки по существу эта гениальная книга осталась безъ возраженія, — и хотя въ ней дѣйствительно многое искажено до неузнаваемости, но суть то дѣла схвачена, какъ ни-къмъ изъ благонамѣренныхъ защитниковъ искусства. Произошло это вѣроятно потому, что для Толстого искусство является частью единой и нераздѣльной жизни, и судить онъ о части, не упуская изъ виду цѣлаго; оппоненты же его со своими усовершенствованными микроскопами отлично разобравшись во всѣхъ мелочахъ, о цѣломъ то и вспомнить не собрались. Пусть толстовскіе выводы непріемлемы, — исходное положеніе его, исходная точка зрѣнія правильны, и этому нисколько не противорѣчитъ невозможность изъ толстовскаго поло-

женія придти къ пріемлемому выводу. Въ томъ то и сущность «проклятыхъ вопросовъ», что на нихъ отвѣта быть не можетъ, въ томъ то и величіе подлинно-творческой личности, — «честной и серьезной» въ особености, — что она во что бы то ни стало хочетъ па нихъ отвѣты найти. Такъ же обстоитъ дѣло и со всѣмъ религіознымъ ученіемъ Толстого. Его «логическую несостоятельность» вскрыть не такъ трудно. Но невозможно заполнить пустоту, которую это ученіе въ сознаніи оставляетъ. Когда Толстой утверждаетъ, что непротивленіе злу вполне разумно и приведетъ человѣчество къ благоденствію, мы перестаемъ понимать его. Здѣсь Толстой совершенно ирраціоналенъ. Но отвергая эту «бредь», мы не находимъ что ему противопоставить, и такъ ни съ чѣмъ и остаемся, стараясь только не думать, не обращать вниманія на образовавшуюся трещину. Надъ вѣдь помнясь и то, что вопреки тысячъ разнообразнѣйшихъ и хитрѣйшихъ попытокъ загущевать истинное положеніе дѣла, ученіе о непротивленіи злу дѣйствительно находится въ Евангеліи. Дѣйствительно Толстой одинъ изъ немногихъ, кто прочелъ Евангеліе безъ предвзятыхъ убѣжденій, повѣлъ простыя, ясныя и точныя слова Христа просто, ясно и точно, не рѣшился ради соглашенія этихъ словъ со здравымъ смысломъ и житейской моралью произвольно искать въ нихъ второго значенія.

Маклаковъ не случайно останавливается на «Трехъ разговорахъ» Владимира Соловьева, главнѣйшаго и талантливѣйшаго изъ «опровергателей» Толстого. Очень мѣтко характеризуетъ онъ изложеніе Соловьева, какъ «салонное». Независимо отъ доводовъ, которые Соловьевъ въ ней приводитъ, книга эта по сравненію съ коспорязычно-страстными, настойчивыми и трепещущими толстовскими писаньями такъ легковѣсна, такъ гладка, «безъ сучка, безъ задоринки», что уже по одному стилю ея, рѣшительно не соответствующему темѣ, можно было бы почувствовать къ ней нѣкоторое недовѣріе. Но и соображенія Соловьева, по существу очень находчивыя и остроумныя, свидѣтельствуютъ о какой то роковой глухотѣ его къ голосу Толстого. Вотъ ужъ идѣ причуды ума, игра мысли, разсыпанныя щедро и не безъ самолюбованія! И странно, что христіанинъ Соловьевъ какъ будто вовсе не отдаетъ себѣ отчета, съ Кѣмъ онъ черезъ голову Толстого споритъ! Его собесѣдникамъ, которымъ онъ явно сочувствуетъ, «смертельно скучно» отъ ученія о непротивленіи. Они иронизируютъ надъ «службой безъ жалованія» — исполненіемъ долга безъ надежды на загробное воздаяніе. Какъ все таки вѣрно поняли и оцѣнили Толстого «масса», народъ, молва, подуманные безчисленные люди въ родѣ того старика, про котораго рассказываетъ Маклаковъ и который въ Москвѣ, увидѣвъ на улицѣ Толстого, схватилъ его за руку и сталъ безпомощно «воинить на всю улицу»:

— Левъ Николаевичъ! Левъ Николаевичъ!.. Какъ всѣ эти люди почувствовали, что Толстой съ грѣхами своими, съ оплошностями, съ слабостями, ошибками, даже съ пресловутой своей «гордыней», все таки одинъ среди торжествующаго и благополучнаго міра — за

нравственную истину, къ чему бы практически она ни вела, за высокое «безуміе» Евангельскаго ученія въ его первоначальной чистотѣ, за правду, отъ которой міръ отвернулся. «Христовъ поденщикъ», «совѣсть міра», — о комъ другомъ можно было бы сказать эти слова? Если и перемудрилъ онъ кое въ чемъ, запутался кое гдѣ, то въ главномъ не предалъ, — и сѣмя, брошенное тогда, когда «вышелъ съятель съять», въ душѣ его взонло чище и выше, чѣмъ въ сознаниіи блистательнаго полемиста, мистическаго поэта, христіанскаго философа Соловьева и всѣхъ другихъ на словахъ какъ будто и вѣрныхъ.

Книга Маклакова о Толстомъ составлена изъ двухъ рѣчей, произнесенныхъ во время недавнихъ юбилейныхъ празднествъ. Особенно цѣнна первая рѣчь. Не только въ полногѣ и обстоятельности, въ рѣдкой отчетливости анализа толстовскаго ученія ея достоинства. Это едва ли не единственная до сихъ поръ попытка разсказать о Толстомъ и о томъ, что Толстой считалъ въ себѣ наиболее существеннымъ безъ всякаго спора съ нимъ, какъ и безъ анологіи. Длительное знакомство съ темой, углубленное пониманіе ея удержали Маклакова отъ этого. Его книга — какъ бы «введеніе въ Толстого», написанное человекомъ, чувствующимъ уровень и значеніе вопроса, и конечно его неразрѣшимость. Авторъ самъ не является послѣдователемъ Толстого, онъ и читателей своихъ не убѣждаетъ превратиться въ толстовцевъ. Но онъ зоветъ ихъ къ тому, чтобы они уловили побужденіе толстовской мысли, поняли одушевленіе ея. Онъ какъ будто повторяетъ Евангельскія слова: «могий вмѣстити да вмѣститъ», — не обѣщая, что ученіе Толстого дастъ покой и счастье, но и не видя по крайнему своему разумѣнію, какъ найти покой и счастье, если обойти его. Очень вѣрно, что въ основѣ толстовской проповѣди лежитъ ужасъ передъ смертью. Скрытая цѣль книги Маклакова, «идея» ея кажется и состоитъ въ томъ, чтобы напомнить о вѣчной и единой толстовской цѣли — неизбежности смерти, разбудить у читателей то «воображеніе», отсутствіемъ котораго самъ Толстой объяснялъ возможность душевнаго равновѣсія людей. И потому именно; что Маклаковъ, разсказывая о Толстомъ, думаетъ и о своихъ современникахъ, что у него о Толстомъ есть свои опыты и что для него размыслить о Толстомъ значитъ дѣлать дѣла, — книга его живая, и авторъ этой книги, расходясь съ Толстымъ, способенъ все таки его вполне понять и достойно о немъ говорить.

Георгій Адамовичъ.

А. А. Кизеветтеръ. На рубежѣ двухъ столѣтій. (Воспоминанія 1881-1914), издательство «Орбисъ», Прага, 1929 г.

Авторъ этой книги хорошо всѣмъ извѣстенъ. А. А. Кизеветтеръ человекъ очень даровитый и очель разносторонній. «Доводилось мнѣ, — говоритъ онъ (стр. 275), — дѣйствовать на многообразныхъ поприщахъ; былъ я и профессоромъ и редакторомъ журнала и газетчикомъ, и театраномъ, и митинговымъ ораторомъ, и членомъ парламен-